

АКТУАЛЬНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- *Критическое мышление: взаимодействие логических, эпистемологических и когнитивных факторов*
- *Половозрастные различия атрибуции враждебности школьниками в период среднего детства*
- *Согласованность родительских дисциплинарных воздействий в социальной регуляции поведения детей*
- *Особенности жизненных ценностей партнеров, состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке*
- *К проблеме изучения воздействия цвета на психофизиологическое состояние студентов*

УДК 1:16

Критическое мышление: взаимодействие логических, эпистемологических и когнитивных факторов

С. В. Воробьева, кандидат философских наук, доцент*

В статье реконструированы концептуальные и методологические основания критического мышления как дискретного вопросно-ответного моделирования рефлексии. Раскрыты логические, эпистемологические и когнитивные факторы критического мышления и обоснована идея их синергизма. Синергизм действия факторов подтвержден стратегиями критического мышления, которые определены в контексте доминирования одной из стадий критического мышления — анализа, понимания, оценки или корректирования идей.

Ключевые слова: ассоциативное мышление, критическое мышление; стадии критического мышления; критические вопросы; факторы критического мышления.

Critical Thinking: Interaction of Logic, Epistemological and Cognitive Factors

S. V. Vorobjova, PhD in Philosophy, Associate Professor

The article reconstructs conceptual and methodological foundations of critical thinking as a question-answer discrete simulation of reflection. Logical, epistemological and cognitive factors of critical thinking are explicated and substantiated the idea of their synergy. The synergy effect of the factors is proved by critical thinking strategies that are defined in the context of the domination of one of the stages of critical thinking — analyzing, understanding, evaluation or correcting ideas.

Keywords: associative thinking, critical thinking; stage of critical thinking; critical issues; factors of critical thinking.

Критическое мышление (КМ) является основанием для методологических сдвигов в логике и философии, причиной для переосмысления стандартов образования. В современном мире «никто не может выжить с одним простым способом мышления, где собственное мышление нужно постоянно адаптировать к мышлению других, где следует уважать стремление к ясности, точности и тщательности, где навыки работы должны постоянно развиваться и совершенствоваться» [1, р. 92]. Но «Что значит мыслить?» в мире, где человек должен доказывать свое присутствие мышлением? [2]. Какие способы мышления возможны? Какие факторы их

обуславливают? История логики, философии и психологии свидетельствует о долгом поиске существенных оснований мышления. В XX в. ответ на вопрос «Что составляет сущность мышления — восприятие или представление?» искали феноменология и экзистенциализм (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Э. Левинас и др.), американская школа культурной антропологии (Ф. Боас, М. Мид, Дж. Брунер и др.), эпистемология (Г. Х. Вригт, Ж. Пиаже, Р. Мур и др.), когнитивная логика, включающая неформальную теорию аргументации (Дж. Остин, Дж. Серль, Х. Перельман и др.), и когнитивная психология (Дж. Келли, Ф. Хайдер, Р. Абельсон и др.).

* Доцент кафедры философии культуры ФФСН БГУ.

«Главная черта мышления, существовавшего до сих пор, — это восприятие. Разум как способность к восприятию ограничен фиксацией присутствующего. Это не настоящее мышление, «пока остается непомысленным то, на чем основывается бытие сущего, когда оно является как присутствие» [2, с. 137]. Мышление как оперирование представлениями (образами) дополняет мышление-разум. «Представление происходит в логосе. В представлении развертывается восприятие. Само представление — это репрезентация» [2, с. 137].

Дж. Брунер разграничил три способа презентации, или формы представления мира: через действие, через образ и посредством символов. Ж. Пиаже интерпретировал их как стадии когнитивного развития. Автономность символической презентации основана на базе образности, образность — на восприятии, восприятие — на ощущениях. Психический опыт становится мышлением в ситуации опосредованного отражения реальности, поэтому лишь некоторая его часть вербализуема. Это означает, что сущность мышления определяется комбинациями знаков (согласно Ч. Пирсу — иконами, индексами и символами). Например, имена как сингулярные термы — иконы и индексы — репрезентируют денотат («данное бытие»), имена как символы репрезентируют значения («заданное бытие»).

Ассоциативное мышление не критично, хотя, согласно Э. Левинасу, способно «высказаться о том, что отсутствует», что не дано в непосредственном опыте, но что «привязано к психическому», «скрывает истину и удерживает в интериорном». Критерием выступает «удобная позиция», структура которой определяется набором обстоятельств, происходящих из «трансцендентального Я» — индивида, который «не способен осознать встречу с Другим», так как от него «скрыты его желания», управляющие им [3, р. 21]. Подтверждение личностного бытия мышлением означает в феноменологии Э. Левинаса пребывание в условиях децентрации и «принятие на себя позиции Другого», что влечет качественно иной способ мышления, превосходящий идею «удобности» [4, 5]. В эпистемологии Ж. Пиаже также подчеркивается произвольный характер ассоциативного мышления. «Различные образы или представления, между которыми, казалось бы, нет связи, в действительности сгруппированы вокруг одной и той же бессознательной тенденции или просто желания. Значит, в мышлении всегда имеется направляющее начало, но в подобных случаях это управление бессознательно и зависит скорее от обычной двигательной или аффективной тенденции, чем от направления, даваемого волей и разу-

мом». Интеллект, неотъемлемым качеством которого является произвольность и критичность, можно описать как «организованную группу логических операций, посредством которых осуществляется взаимодействие между миром и нашим знанием о мире» [6, с. 201].

В концепции Дж. Остина — европейском варианте бихевиоризма и когнитивной логики — формализованы «перформативные высказывания» [7]. Как презентации через действия они не обладают истинностной характеристикой, так как ничего не говорят о мире, но являются его неотъемлемой частью — действием, которое несводимо к самому акту произнесения, но включает пропозициональное содержание и обладает иллюкутивной силой. В автоэпистемической логике Р. Мура зафиксировано положение «об идеальном субъекте, обладающем способностью к неограниченной интроспекции» пропозиционального содержания [8, с. 463], которая идентична развитию логического мышления как критического. Критерием развития выступает осознание того факта, что мышление порождается структурами языка и без обращения к опыту.

КМ — «мышление о мышлении». Его полный цикл включает четыре стадии: анализ, понимание, оценку и корректирование идей [1, 9–14]. Каждая из стадий содержит перечни критических вопросов, поиск ответов на которые и означает мыслить критически. Аналитический процесс предполагает ответы на три ключевых вопроса: в чем заключается проблема и предлагаемое по ней заключение (решение)? Какие резоны обосновывают заключение? Какова структура аргументов? Аналитическая формула связывает три элемента: «Проблема ↔ (Резоны → Заключение (Решение))», или в сокращенном виде: «Проблема ↔ Аргументация». С логической точки зрения отношения между структурными элементами анализа регулируются формальной (определяется с помощью функций истинности), строгой (определяется с помощью функтора логической невозможности) и релевантной импликацией, в которой следствие рассматривается как часть условия (основания).

С точки зрения эпистемологии личностный опыт и мышление представляют собой лингвистические отображения, имеющие ресурсные пределы. Если человек говорит «следует» или «значит», — действительно ли следует или значит? Логические функторы не просто связывают одну идею с другой, а отображают личностные схемы интерпретации. В частности, функторы «но» и «даже» обозначают разные интенции в решении проблемы. Например: «Я беспристрастен в критике, [но <...>]

или [даже если <...>]. Личностная эпистемология конструирует определенную логику событий, которую можно отследить, выявляя отношения между событийными элементами: *следовательно* или *чтобы*; *после того как* или *несмотря*; *в то время как* или *подобно тому как*. «Нам нужна наука, называемая эпистемологией, — как мы узнаем то, что мы знаем? <...> Какие искажения и упущения поступившей информации происходят?» [15, с. 120]. Каким образом поступить с обнаруженными ошибками?

С когнитивной точки зрения содержание мышления детерминировано в большей степени личностным миром, собственной идентичностью, а не референциальными отношениями с внешним миром, включая мир других людей. По Э. Левинасу, идентичность личности — это основание, которое интегрировано социальным доверием к миру, мерой автономности и степенью активности (инициативности) Я. «Я не остается одним и тем же бытием. Я — это мышление, самоидентификация при любых обстоятельствах. Я тождественно самому себе, так как является закономерным результатом процесса самоидентификации. Поэтому Я идентично себе даже в своих изменениях». Несогласованность представлений о себе, отсутствие когерентности между собой и собой в мире разрушают целостность личности [16, р. 55].

Когнитивные факторы включают два феномена сознания: индуцированность мышления чувствами и рационализация (формализация) чувств. Когнитивная стратегия как здравый смысл личностной или национальной культуры способствует устранению различий, и они не отображаются в языке и вербальном описании мира. В противном случае нарушается способ поддержания известного человеку мира или мнения о себе. Когнитивная ABC-модель А. Эллиса построена в соответствии со структурой аналитического процесса: «Активирующие события ↔ (Верования (Мотивы и Убеждения) → Следствия (Способы реагирования))». Например, когнитивные факторы мышления, зависящие от мотивов (допустим, от комбинации и степени выраженности наличия или отсутствия корысти, зависти или мести), обуславливают способы реагирования на проблемные ситуации (предположим, обоснование несправедливости чужого решения как следствие собственных корыстных устремлений или чувства зависти). Поэтому базовыми направлениями ABC-моделирования являются выявление системы верований как логических схем интерпретаций, обуславливающих индуцированное мышление, а также формализация и систематизация эпистемологических триггеров, вызывающих индукцию.

Стадия понимания в *КМ* включает следующие критические вопросы: какие имена и высказывания в тексте неоднозначны; есть ли пустые или плохо определенные имена; в чем заключаются явные и неявные ценностные и дескриптивные предпосылки (умолчания); каковы условия приемлемости аргументов?

Условием приемлемых (понимаемых) рассуждений выступает степень ясности мысли. «Вопрос „Для чего, собственно, мы используем это слово, это предложение?“ всегда ведет к ценным прозрениям в философии», — подчеркивал Л. Витгенштейн [17, с. 64]. Представители Львовско-Варшавской логической школы, скептически относившиеся к немецким философам, отмечали использование ими нечетких имен, рождающих спекулятивные рассуждения. «Кто был философом, а потом стал логиком и узнал точнейшие методы рассуждения, тот не имеет сомнений, — подчеркнул Я. Лукасевич. — Он знает, чего стоит прошлая философская спекуляция. И знает, чего может стоить рассуждение, проведенное с использованием неточных многозначных слов естественного языка, а не основанное на опыте или точно выверенном символическом языке. Такая работа не может иметь научной ценности, и лишь жаль времени и энергии мысли, которая на нее расходуется» [18, с. 124]. Н. Решер указывал на необходимость четкости и ясности в философской работе, избегания туманных идей и неправомερных предложений. Для того чтобы «представлять свои философские идеи такими ясными и определенными, как только возможно», следует развивать «аппарат логико-лингвистического анализа» и употреблять его «для придания доказательности своей точки зрения с такой максимальной ясностью, как того требуют обстоятельства» [19, с. 464].

Реконструкция ценностных и дескриптивных предпосылок обусловлена структурами «жизненного мира» (Э. Гуссерль), поля значений (А. Шюц), феноменального поля сознания (А. Бек) и др. В данных структурах необходимо различать три группы факторов: 1) формально-логические отношения внутри языка; 2) неформально-логические (эпистемологические) — между элементами человеческого опыта (языком) и реальностью; 3) когнитивные схемы, определяющие интерпретацию событий. Эпистемологические и когнитивные факторы понимания обусловлены процессом именования, который структурирует поток внешних воздействий на дискретные единицы, названные Л. Витгенштейном, по примеру Аристотеля, категориями. Имена лежат в основе функционирования когнитивных структур сознания, поэтому логические операции с ними определяют проце-

дуры категоризации — вычленение из информации значимых для субъекта категорий, позволяющих конструировать прототипы (экземплификации), а также схематизировать (например, структурировать события в виде скриптов) и строить эвристики.

Реконструкция ценностных и дескриптивных предпосылок — это восстановление «зон умолчания», или недосказанности. Коррелятом реконструкции являются условия приемлемости аргументов, т. е. терминологические границы, за которыми заключение по проблеме перестает быть ее решением, а резоны теряют свою силу. Например, феноменологическое понимание ограничено «воздержанием от суждений» и «категориальным созерцанием».

Стадия оценки включает вопросы: корректно ли сформулирована проблема; соответствует ли заключение проблеме; насколько убедительны резоны; правильно ли построены выводы.

Структура оценки включает формальную и содержательную валидизацию имен, составляющих проблему, и имен, репрезентирующих ее решение и его резоны. Формальная валидность имени заключается в обозначении того, что необходимо обозначить. Содержательная валидность — в точной фиксации признаков, свойственных предмету, явлению или процессу, обозначаемому именем. Нарушение принципа валидности имен приводит к некорректной формулировке проблемы. Допустим, псевдопроблемы возникают в тех случаях, когда один словарь описывается в терминах другого или когда имена применяются в неверном контексте.

Предметом оценки как логического инструмента *КМ* выступают отношения между проблемой и заключением по ней, между заключением и резонами, а также между резонами. Механизмы оценки зависят от связей между константными и переменными структурами в отношениях. Целью манипуляций с независимыми переменными — аргументами и резонами — является построение корректных теоретических рассуждений, которые доказуемы или опровержимы. Условия опровержения заключаются в установлении факторов, выполнение которых отменило бы, во-первых, заключение как ложное или как не соответствующее проблеме, во-вторых, резоны как формальное, строгое или релевантное условие заключения. Например, для юридических обоснований, осуществляемых в рамках пропозиционального языка, достаточно формальной или строгой импликации. «В аргументации по форме содержится искусство непогрешимости, если уметь правильно пользоваться ею» [20, с. 423]. В частности, для опровер-

жения факта нарушения закона достаточно в соответствии со схемой рассуждения «сведение к абсурду» продемонстрировать невыводимость правовой нормы из содеянного. Критерием выступает противоречие [21, с. 79—83].

Критериями вывода по содержанию являются релевантность и сила (весомость) аргументов. Релевантность аргументов определяется содержательной связью выводимого заключения (необходимые условия) из резонов (достаточных условий). Необходимо для любых высказываний *A* и *B* устанавливать, «составляет ли информация одного часть информации другого» [22, с. 103], т. е. имеют ли место между ними интенциональные связи. Значение силы аргумента заключается, согласно С. Тулмину, в отбрасывании неподходящих вариантов, т. е. весомость аргумента определяется рассмотрением и исключением неуместных и слабых доводов.

Оценка как эпистемологический инструмент *КМ* отображает пределы допустимого в аргументации, т. е. категориальные противоположности или противоречия (польза/вред, оправданное/недопустимое, все/никто). Подобные категориальные пары и соответствующие им шкалы оценок формируются по двум направлениям: 1) наличие или отсутствие свойства или качества; 2) наличие положительного или отрицательного свойства или качества. Отсутствие в оценочной шкале противоположности исключает возможность адекватной оценки, например, нельзя раскрыть феномены безразличия или изворотливости без соотнесения их с заинтересованностью или бесхитростностью.

Когнитивные факторы *КМ* обусловлены логическими и эпистемологическими факторами. «Логическая непротиворечивость — это состояние психологического равновесия в противоположность состоянию постоянной неустойчивости, в котором живет мысль» [6, с. 323]. Сознанию непосредственно даны «ощущения, образы, чувства удовольствия и неудовольствия». Эта данность постоянно изменяется, уносится «потокосознания» (А. Бергсон), так как является «вечным становлением» (Гераклит). Этому потоку «противостоит несколько неподвижных точек, состояний равновесия, таких, как понятия и поддерживаемые ими отношения, — в общем, весь логический мир, который, по мере того как строится, не зависит от времени, а следовательно, находится в состоянии равновесия» [6, с. 323]. Например, если автор научной статьи формулирует цель «рассмотреть проблему» или «показать различия», то на основании чего он выведет заключение, какие резоны будут обосновывать «просмотр» или «показ»?

Стадия корригирования идей наименее автономна, так как три предшествующих этапа *КМ* имманентно являются критическими. Она включает вопросы: какие логические ошибки допущены; какие разумные модификации проблемы или заключения по ней возможны. Верификация рассуждений — это поиск логических ошибок или формирование убежденности в их отсутствии. Логическая ошибка — это неприемлемое заключение, являющееся результатом нарушения формальной правильности или содержательной истинности рассуждения, которые регулируются формально-логическими законами и правилами, регламентирующими операции с именами, высказываниями и функторами. Модификация как конструктивная функция *КМ* направлена на преодоление логических ошибок, обусловленных нарушением экстенциональных или интенциональных отношений в системе «Проблема ↔ (Резоны → Заключение)». Отсутствие нарушений подтверждает, что система концептуальных отношений является успешной в решении проблемы или достижении цели.

Таким образом, концептуально *КМ* представляет собой рефлексию конструируемых рассуждений. Рефлексия является дискретным вопросно-ответным процессом, обусловленным взаимодействием логических, эпистемологических и когнитивных факторов. Методологические основания *КМ* включают его стайдную структуру и категориальный аппарат, систематизированный в перечнях критических вопросов. Поэтому стратегии *КМ* — это доминирование одной из его стадий, реализуемой как логические паттерны естественного языка, которые воспроизводят личностную эпистемологию как индивидуальный способ организации знаний о мире и отображают когнитивные схемы как личный опыт взаимодействия с окружающим миром.

Список цитированных источников

1. Paul, R. Critical Thinking: What Every Person Needs to Survive In a Rapidly Changing World / R. Paul. — Santa Rosa, 1993.
2. Хайдеггер, М. Что значит мыслить? / М. Хайдеггер // Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер. — М., 1991. — С. 134—138.
3. Lévinas, E. En decouvrant l'existence avec Husserl et Heidegger / E. Lévinas. — Paris, 1964.
4. Lévinas, E. Ethique et Infini. Dialogues avec Ph. Nemo / E. Lévinas. — Paris, 1982.
5. Lévinas, E. Liberté et commandement / E. Lévinas. — Montpellier, 1994.
6. Пиаже, Ж. Речь и мышление ребенка / Ж. Пиаже. — М., 1994.
7. Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1986. — Вып. XVII: Теория речевых актов.
8. Символическая логика / под ред. Я. А. Слинина, Э. Ф. Караваева, А. И. Мигунова. — СПб., 2005.
9. Brown, M. N. Asking the right questions: A guide to critical thinking / M. N. Brown, S. M. Keeley. — Upper Saddle River, 1998.
10. Воробьева, С. В. Критическое мышление и информационные потребности студента / С. В. Воробьева // Менеджмент вузовских библиотек: роль библиотеки университета в формировании информационной культуры специалиста XXI века. — Минск, 2012. — С. 116—123.
11. Критическое мышление (сводный реферат) // Соц. и гуманитар. науки: Отечеств. и зарубеж. лит. Сер. 3, Философия. — 1999. — № 1. — С. 81—85.
12. Ноттурно, М. А. Розум і довіра: мета критичного мислення і авторитет // Вісн. Ун-ту внутр. справ. — 1997. — № 2. — С. 231—243.
13. Тягло, А. В. Критическое мышление на основе элементарной логики / А. В. Тягло. — Харьков, 2001.
14. Тягло, А. В. Критическое мышление: проблемы образования XXI века / А. В. Тягло, Т. С. Воропай. — Харьков, 1999.
15. Гриндер, Дж. Черепахи до самого низа. НЛП нового поколения. Мастер-класс гениальности / Дж. Гриндер, Дж. Делозье. — СПб, 2007.
16. Lévinas, E. Totalité et infini. Essai sur L'Extériorité / E. Lévinas. — Dordrecht, 1991.
17. Витгенштейн, Л. Философские работы: в 2 ч. / Л. Витгенштейн. — М., 1994. — Ч. 1.
18. Решер, Н. Взлет и падение аналитической философии / Н. Решер // Аналитическая философия: избр. тексты. — М., 1993.
19. Łukasiewicz, J. Logistika a filozofia // Przegląd Filozoficzny. — 1936. — № 39.
20. Лейбниц, Г. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии / Г. Лейбниц // Соч.: в 4 т. — М., 1983. — Т. 2.
21. Воробьева, С. В. Логика и коммуникация: пособие / С. В. Воробьева. — Минск, 2010.
22. Войшвилло, Е. К. Символическая логика (классическая и релевантная): философско-методологические аспекты / Е. К. Войшвилло. — М., 1989.

Дата поступления в редакцию: 20.02.2015 г.